

СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА И АРКТИКИ

DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.6.2018.62.153–163
УДК 316.343-058.13(470.13)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Л. А. Попова

доктор экономических наук, зам. директора по научной работе
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
КомиНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия

Е. Н. Зорина

научный сотрудник
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
КомиНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия

А. А. Сивкова

младший научный сотрудник
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
КомиНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования и оценке параметров среднего класса в Республике Коми. Рассмотрены основные подходы к определению среднего класса и оценке его масштабов. По результатам проведенного в 2017 г. социологического обследования «Уровень и качество жизни занятого населения северного региона» (опрошено 1120 чел.), на основе комбинации объективного и субъективного подходов оценены масштабы среднего класса в составе занятого населения республики. Границы среднего класса определены на пересечении трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, уровня образования не ниже среднего специального и достаточной материальной обеспеченности. К определению уровня материального достатка применены два подхода с разнонаправленными допущениями, которые дали практически идентичные результаты. Выявлено, что в составе занятого населения средний класс составляет немногим больше 13 %, среди населения 15–72 года с учетом уровня занятости — 8–9 %, в составе всего населения республики с учетом среднего размера домохозяйства — порядка 16 %. Таким образом, по прошествии 25 лет с начала рыночных преобразований средний класс в регионе по-настоящему не сформирован. Его масштабы очень сильно лимитируются средним уровнем доходов населения. В основе этого — сохраняющаяся значительная дифференциация доходов бедных и богатых, между которыми большая часть работающего населения не дотягивает до уровня среднемесячной заработной платы по региону.

Ключевые слова: средний класс, доходы, социальное расслоение, уровень образования, самоидентификация со средним классом, Республика Коми.

THE PROBLEM OF MIDDLE CLASS FORMATION IN NORTHERN REGION (ON THE EXAMPLE OF KOMI REPUBLIC)

L. A. Popova

Dr. Sci. (Economics), Deputy Research Director
Institute of Social-Economic and Energy Problems of the North of Komi Science Centre
of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

E. N. Zorina

Researcher
Institute of Social-Economic and Energy Problems of the North of Komi Science Centre
of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

A. A. Sivkova

Junior Researcher
Institute of Social-Economic and Energy Problems of the North of Komi Science Centre
of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of forming and assessing the parameters of the middle class in the Komi Republic. The main approaches to the definition of the middle class and the assessment of its scale are considered. According to the results of the sociological survey “Standard and Quality of life of the employed population of the Northern region” conducted in 2017 (1120 people were interviewed), based on a combination of objective and subjective approaches, the scale of the middle class in the composition of the employed population of the Republic is estimated. The boundaries of the middle class are determined at the intersection of three criteria: self-identification with the middle layer of society, the level of education is not lower than the average of special and sufficient material security. To determine the level of material wealth, two approaches are applied with multidirectional assumptions, which gave almost identical results. It is revealed that in the composition of the employed population the middle class is a little more than 13 %, among the population of 15–72 years, taking into account the level of employment is 8–9 %, in the composition of the entire population of the Republic, taking into account the average household size is about 16 %. Thus, after 25 years of market transformation, the middle class in the region has not been truly formed. Its scale is very much affected by the average income of the population. At the heart of this is the continuing large differentiation between the incomes of the poor and the rich, between which the majority of the working population falls short of the average monthly wage in the region.

Keywords: middle class, incomes, social stratification, education level, self-identification with middle class, the Komi Republic.

Понятие среднего класса довольно широко употребляется еще с XIX в., но в социологическую лексику оно вошло в 1920-е гг. Во второй половине XX в. идея среднего класса получила значительное распространение в западной социологии. В результате развития научно-технической революции и диффузии собственности в ходе реформ в США и других промышленно развитых странах произошло сокращение доли неимущих слоев населения. Для основной массы населения стал характерным сопоставимый уровень доходов [1, с. 140]. При переходе общества в индустриальную и особенно постиндустриальную стадию развития средний класс становится массовым явлением. Его расширению и становлению способствуют развитие технологий и третичного сектора экономики, а также особого типа государства («социальное государство» и Welfare State) [2, с. 26].

Средний класс — это основная составляющая производительных сил общества, способная напряженно трудиться, осваивать новые знания, заниматься творчеством, воспитывать новое поколение и т. д. Средний класс исполняет интерактивную функцию «социального медиатора» ввиду его промежуточной позиции между верхами и низами общества, выступает социальным стабилизатором общества ввиду его сравнительно высокой материальной обеспеченности, выполняет роль главного агента технологического и социально-экономического прогресса ввиду высокой интеллектуальной квалификации, является носителем общественных интересов и национальной культуры [3]. Он является своего рода буфером между бедными и богатыми слоями общества. Устранение разрыва между очень богатыми и очень бедными слоями, увеличение численности среднего класса способствует устойчивости общественного развития, преодолению отчуждения между людьми.

В России становление среднего класса происходит с большим трудом. В каждом регионе оно имеет свои особенности, обусловленные целым рядом факторов. Важность исследования масштабов и структуры среднего класса в регионах России, возможностей и способов его расширения в условиях начавшегося сокращения количественных характеристик ресурсов труда и необходимости модернизации экономики страны для обеспечения ее конкурентоспособности, а также малоизученность этого вопроса в Республике Коми определяют актуальность обращения авторов к данной проблеме. Целью данной статьи является оценка параметров среднего класса в Республике Коми.

Признание важной роли и понимание необходимости формирования и поддержки среднего класса пока не способствовало разработке четкого теоретико-методологического подхода к его определению и оценке его масштабов [4, с. 115]. Разные коллективы исследователей пользуются различными подходами к трактовке понятия «средний класс». Тем более, что в современном обществе происходит дифференциация самого среднего класса. Еще начиная с 1980-х гг. в западной социологии средний класс рассматривается как совокупность качественно различных социальных групп [2, с. 26]. «Старый средний класс» составляют мелкие предприниматели, а «новый средний класс» состоит из высокооплачиваемых и среднеоплачиваемых наемных работников как правило занятых интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего» класса включает <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%80> менеджеров и высококвалифицированных специалистов. К низшему слою относятся учителя, врачи, офисные служащие и т. д. Численность «старого среднего класса» (класса собственников) сокращается, а доля «нового среднего класса» растет [5]. Или подгруппы среднего класса выделяются в зависимости от типов

располагаемых ресурсов: предприниматели (обладающие экономическими активами), менеджеры (обладающие административными активами) и профессионалы (обладающие культурными активами) [6]. На фоне усиления гетерогенности среднего класса западными исследователями рассматривается отражающая переход к постиндустриальному обществу тенденция сокращения его масштабов в результате медленного роста среднего сегмента занятости при быстром росте верхнего и нижнего сегментов. Отмечается, что средние и нижние слои среднего класса в отличие от верхних теряют устойчивость своего положения на рынках труда, их ресурсная база сжимается, что усиливается современной экономической и социальной политикой стран Запада [7, 8]. Тенденция размывания среднего класса в развитых странах актуализирует вопрос о судьбе среднего класса в новом миропорядке и способствует тому, что все чаще начинают звучать голоса о «смерти» среднего класса, как, впрочем, о смерти классов вообще [2, с. 26]. Однако изучение среднего класса по-прежнему актуально: от исследования отдельных его сегментов («новый» средний класс, «профессионалы», «информационные работники» и пр.) в развитых странах до определения среднего класса на глобальном уровне [9–11].

Существует несколько вариантов определения численности среднего класса, отличающихся содержанием используемых для оценки критериев. Набор этих критериев довольно широк, однако основой для отнесения к среднему классу является материальное положение и уровень образования, а также профессиональный статус, вовлеченность в общественную и культурную жизнь. Российскими исследователями, в принципе, применяются те же критерии отнесения к среднему классу, что и на Западе: средний (для определенной страны) уровень благосостояния и постоянные источники дохода; высокий уровень образования и профессиональной квалификации; высокий уровень мобильности (в том числе и внутри среднего класса); стремление к общественной стабильности (менталитет этого слоя общества предполагает реформизм, индивидуализм, поддержку существующего режима) [12].

В зависимости от методов оценки численность среднего класса в России оценивается в пределах от 3 % («идеальный средний класс») до 30–60 % («перспективный средний класс») [13]. Согласно исследованиям, проведенным Институтом социологии РАН, в 2003–2008 гг. средний класс в России составлял 29 % населения, затем в период кризиса 2008 г. «усох» до 26 %, а после снова пошел в рост и к 2014 г. достиг 42 % россиян [14]. В промышленно развитых странах он составляет как правило большинство населения (от 60 до 70 %) [1, с. 141]. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. поставлена цель достичь представительства среднего класса не менее 55–60 % населения РФ [15, с. 7].

В современной социологии принято различать следующие подходы к определению среднего класса: объективный (подход на основе уровня материального благосостояния и ресурсный подход, то есть на основе объема, типа и структуры капитала, которым располагает тот или иной человек, домохозяйство, класс и т. д.), субъективный (на основании самоотнесения людей к среднему классу) и их комбинацию. Наиболее продуктивной нам представляется комбинация объективного и субъективного подходов. Так, в исследованиях Института социологии РАН средний класс определяется по четырем критериям: уровень образования (наличие как минимум среднего специального), уровень благосостояния (доход не ниже средних цифр для данного поселения, количество товаров длительного пользования не меньше, чем у населения в целом), профессиональный статус (человек занят не физическим трудом) и «самоидентификация», когда свой статус в обществе человек оценивает не ниже, чем на четверку по 10-балльной шкале, а накопленный им «человеческий капитал» (опыт, связи, средства, возможности и пр.) приносит доход, позволяет найти работу, обеспечить семью, быть здоровым и радоваться жизни на досуге [14]. Еще более удобной для применения является методика, разработанная в Институте философии РАН [16–18] в соответствии с Типовой методикой ООН, которая определяет границы среднего класса на основе пересечения трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, материального достатка на уровне обеспеченных и зажиточных, уровня образования не ниже среднего специального. Высокий профессиональный статус в значительной степени обуславливается уровнем образования, а низкий профессиональный статус при высоком образовании не обеспечивает должного уровня доходов. Единственной, на наш взгляд, методологической проблемой является конкретное определение уровня материального благосостояния, подходящего для отнесения к среднему классу. В то же время вариативность выбора исследователем того или иного уровня достатка дает возможность оценить масштабы разных слоев среднего класса.

Уровень материального благосостояния складывается из уровня душевого дохода, наличия определенного набора дорогостоящего имущества (автомобиль, оборудованное техникой жилье), возможности приобретать платные социальные услуги (образование, медицина), способности путешествовать

по миру (поездки за границу на отдых). В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. критериями среднего класса являются среднедушевой доход свыше шести прожиточных минимумов, наличие автомобиля, банковские сбережения, возможность регулярного отдыха за границей [15]. Однако на региональном уровне ситуация складывается по-разному, поэтому применение одинакового критерия материальной обеспеченности для всех регионов едва ли целесообразно, если только речь не идет о межрегиональных сравнениях. Возможно, в региональном исследовании более продуктивным является подход, основанный на выборе среднего для конкретного региона уровня благосостояния. Например, в исследованиях, с 2008 г. регулярно проводимых Институтом социально-экономического развития территорий РАН, с учетом среднего уровня доходов населения Вологодской области разработан свой алгоритм выявления представителей среднего класса, включающий следующие критерии: среднемесячный доход 2,5 прожиточного минимума на одного человека, самооценка доходов («денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды») «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей»), уровень образования не ниже среднего специального, должностной статус (рабочий, специалист, руководитель) [19, с. 51]. В исследованиях Института социологии РАН, как уже отмечалось, уровень благосостояния определяется доходом не ниже средних цифр для данного поселения и количеством товаров длительного пользования не меньше, чем у населения в целом [14].

В процессе анализа динамики основных показателей уровня жизни населения Республики Коми за 2000–2015 гг. было установлено, что характерный для рассматриваемого периода существенный рост среднедушевых доходов населения, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций и среднего размера назначенных месячных пенсий происходил со значительным снижением годовых темпов прироста. Соотношение указанных показателей с величиной прожиточного минимума за рассматриваемый период в целом также заметно улучшилось, однако в последние годы наблюдается негативная динамика. При этом механизмы, компенсирующие высокую стоимость жизни на Севере, более или менее эффективно действуют в Коми лишь по заработной плате, поэтому уровень бедности в республике выше общероссийского. С 2008 г. прослеживается тенденция к усилению равномерности распределения доходов населения, что может быть обусловлено резким снижением «скрытых» доходов и доходов от собственности в кризисный и посткризисный периоды, а также заметным сокращением доли доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения. Таким образом, усиление равномерности обусловлено, скорее, сокращением уровня доходов в высокодоходной группе, чем его ростом в низкодоходной, в то время как главной задачей в становлении среднего класса является борьба с бедностью [20].

В продолжение проведенного анализа уровня жизни населения Республики Коми в июле 2017 г. нами было запущено социологическое обследование «Уровень и качество жизни занятого населения северного региона» по сложной многоступенчатой выборке, квотированной по городскому и сельскому населению, муниципальным образованиям республики, видам экономической деятельности, форме занятости, занятиям, полу и возрасту, основной целью которого является оценка масштабов среднего класса в республике. В рамках обследования было охвачено только работающее население, поскольку безработные граждане, очевидно, к среднему классу относиться не могут. На наш взгляд, к региональному среднему классу не имеет отношения и экономически неактивное население. Лиц, имеющих некриминальные доходы, не связанные с трудовой деятельностью, соответствующие уровню жизни среднего класса, в провинциальном регионе статистически незначимое количество. К экономически неактивному населению здесь относятся в основном учащиеся и студенты очной формы обучения, а также неработающие пенсионеры. Однако при оценке масштабов среднего класса региона, безусловно, должна быть сделана поправка на уровень занятости населения. По данным 2016 г., в Республике Коми в составе населения 15–72 лет 465,9 тыс. чел. (70,8 %) относятся к экономически активному населению (в последние годы в отечественной статистике труда в соответствии с рекомендациями Международной организации труда вернулись к термину «рабочая сила»), из которых 425,5 тыс. — занятые, 40,4 тыс. — безработные; 192,5 тыс. чел. указанного возраста относятся к экономически неактивному населению (в настоящее время применяется термин «лица, не входящие в состав рабочей силы») [21]. Таким образом, уровень занятости составляет 64,6 % от численности населения в возрасте 15–72 лет, которое считается потенциальной рабочей силой.

В обследовании «Уровень и качество жизни занятого населения северного региона» приняли участие 1120 человек, 77,3 % проживают в городской местности, 22,7 % — в сельской. Пропорция практически соответствует генеральной совокупности: по текущей оценке, на 1 января 2017 г. в Республике

Коми 78,0 % городского и 22,0 % сельского населения [22]. Поскольку мужчины довольно неохотно соглашаются участвовать в социологических опросах, выдержать так же хорошо гендерную пропорцию не удалось. Среди опрошенных 32,0 % мужчин и 68,0 % женщин. По данным обследования рабочей силы, в составе занятого населения республики 50,6 % мужчин и 49,4 % женщин [21]. Этот перекоп выборки, безусловно, следует учитывать при интерпретации результатов, поскольку гендерное неравенство сохраняется в большинстве сфер нашей жизни, и особенно сильно оно проявляется в уровне доходов. На российском рынке труда по-прежнему существует вертикальная и горизонтальная сегрегация с преобладанием женщин в низкооплачиваемых бюджетных секторах, на низкооплачиваемых не руководящих работах, разрыв в оплате труда составляет 36 % [23, с. 152]. В нашем обследовании 84,4 % женщин имеют среднемесячные доходы менее 45 тыс. руб., в то время как среди опрошенных мужчин эта цифра заметно меньше — 67,9 %. Иными словами, преобладание женщин в массиве будет занижать реальные масштабы среднего класса в республике.

По возрасту опрошенные распределились следующим образом: 17,3 % респондентов моложе 30 лет, 34,7 % — от 30 до 39 лет, 26,3 % — от 40 до 49 лет, 16,1 % — от 50 до 59 лет, 5,6 % — от 60 до 72 лет. По данным обследования рабочей силы 2016 г., соответствующие цифры составляют: 22,3, 28,9, 24,2, 19,5 и 5,0 % [21]. Перекоп в целом не критический. Несколько меньший процент в выборочном массиве самых молодых занятых в отличие от преобладания женщин будет немного завышать масштабы среднего класса, поскольку для молодежи характерен более низкий уровень доходов, чем у занятых с большим стажем работы. Это продемонстрировало и наше обследование: 92,8 % молодежи до 30 лет имеют доходы ниже 45 тыс. руб. в месяц против 79,1 % в целом по выборке.

В том же направлении на оценку масштабов среднего класса будет влиять и явно завышенный уровень образования респондентов: 60,0 % опрошенных оказались с высшим образованием, 26,5 % — со средним специальным (техникум, колледж), 6,8 % — с начальным профессиональным (ПТУ, профлицей), 4,1 % — со средним общим, 2,0 % — с основным общим (9 классов) образованием. По последним выборочным обследованиям рабочей силы соответствующие цифры составляют: 25, 21, 33, 14 и 7 % [21]. Однако результаты выборочных обследований рабочей силы, в свою очередь, тоже являются оценкой, причем не коррелирующей ни с величиной, ни с динамикой образовательного уровня работающих по двум последним переписям. За 2002–2010 гг. в Коми произошли рост доли занятых с высшим и средним специальным образованием с 60,1 до 69,9 % (за счет существенного увеличения специалистов с высшим образованием, в то время как удельный вес имеющих среднее профессиональное образование остался практически на прежнем уровне) и более чем двукратное уменьшение процента занятых с начальным профессиональным образованием — с 18,1 до 8,9 % [24]. В 2010–2017 гг. тенденции образовательного уровня, скорее всего, продолжались в таком же направлении. Соответственно, процент опрошенных с образованием не ниже среднего специального, среди которых мы будем выделять средний класс, в выборке превышен не кардинально. В то же время процент работающих с высшим образованием, который в последний межпереписной период увеличился в Коми с 20,0 до 29,4 %, даже несмотря на вероятное продление возрастающего тренда превышен довольно сильно. При этом результаты обследования показывают рост доходов с уровнем образования. Ежемесячный доход ниже 45 тыс. руб. имеют 71,6 % опрошенных с высшим образованием, 88,9 % — со средним специальным, 92,1 % — с начальным профессиональным образованием, 91,3 % — со средним общим и 100 % — с основным общим образованием. Таким образом, перекоп выборки по уровню образования будет завышать масштабы среднего класса.

С другой стороны, их будет сильно занижать представительство в обследовании муниципалитетов. В целом пропорции по численности населения муниципальных образований республики удалось более или менее соблюсти, кроме Сыктывкара, столицы республики, и Ухты, в которой располагаются крупнейшие предприятия, в том числе относящиеся к нефтяной и газовой промышленности. В этих городских округах не было найдено взаимопонимания с руководством некоторых предприятий отраслей, отличающихся самой высокой в республике заработной платой работников. В результате, в столице доля опрошенных с ежемесячными доходами менее 45 тыс. руб. превышает уровень в среднем по республике (85,9 % против 79,1 %), что не может соответствовать действительности. Низкое представительство Сыктывкара и Ухты, на наш взгляд, заметно уменьшило средний уровень доходов обследованных.

По видам экономической деятельности соотношение в целом выдержано, ощутимо меньший процент опрошенных оказался только в строительстве и торговле. Но повышение среднего уровня доходов за счет низкого представительства указанных отраслей с невысокой средней заработной платой работников компенсируется пониженной долей работающих в транспорте и связи

и повышенной в образовании. По формам занятости немного меньше доля работающих не по найму. По занятиям значительно превышен удельный вес специалистов с высшим и средним уровнем квалификации, что коррелирует с высоким образовательным уровнем массива. Прежде всего, за счет сокращения доли квалифицированных и неквалифицированных рабочих и работников без опыта работы, характеризующихся низким уровнем доходов. Но и руководителей с их высокими доходами среди опрошенных оказалось меньше. Иными словами, структура массива по отраслям и формам занятости, на наш взгляд, сильно не искажает уровень доходов занятого населения, а особенности структуры по занятиям в основном отражены в перекосе выборки по образовательному уровню.

Таким образом, возрастной и особенно образовательный состав опрошенных в обследовании «Уровень и качество жизни занятого населения северного региона» будут завышать средние доходы, а гендерный и территориальный состав наоборот — заметно понижать. Следовательно, в целом можно предположить, что полученные в обследовании цифры, характеризующие масштабы среднего класса Республики Коми в 2017 г., окажутся несколько ниже, чем в генеральной совокупности, но не существенно.

При оценке размеров среднего класса мы применили комбинацию объективного и субъективного подходов. Границы среднего класса определены на основе пересечения трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, уровня образования не ниже среднего специального и материального достатка не ниже определенного уровня. Поскольку объектом исследования у нас является занятое население, то материальную обеспеченность можно оценивать личным доходом респондента, превышающим среднюю зарплату по региону. В 2016 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций составляет в Республике Коми 43662 руб. [22], поэтому в качестве границы материальной обеспеченности, достаточной для отнесения к среднему классу, можно взять ежемесячный личный доход в 45 тыс. руб.

Уже самый поверхностный анализ показывает, что рассчитывать на сколько-нибудь серьезные масштабы среднего класса в Коми в 2017 г. не приходится (табл. 1). Согласно результатам обследования, 1,8 % работающего населения имеют среднемесячный доход ниже базового значения МРОТ в Республике Коми, 10,5 % — ниже прожиточного минимума. Сравнить последнюю цифру с долей населения с доходами ниже прожиточного минимума довольно затруднительно, поскольку она рассчитывается по отношению ко всему населению. Однако следует отметить, что этот показатель в Республике Коми с 2012 г. по 2016 г. увеличился с 13,4 до 16,7 % от численности населения [22]. Почти половина работающих опрошенных (47,6 %) имеют среднемесячный доход до 25 тыс. руб., 79,1 % — менее 45 тыс. руб. С учетом 1,1 % не ответивших на вопрос о личных доходах базой среднего класса остаются 19,8 % участников опроса с личными доходами, превышающими 45 тыс. руб. в месяц.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, размер Вашего дохода в месяц, учитывая зарплату и иные источники доходов (средний за последние 6 месяцев)»

Уровень дохода в месяц, руб.	Общий %	Уровень дохода в месяц, руб.	Общий %
Менее 8100	1,8	45000–60000	10,6
8100–12914	8,7	60000–75000	4,3
12914–25000	37,0	75000–120000	4,1
25000–45000	31,6	Более 120000	0,8
Итого до 45 тыс. руб.	79,1	Итого более 45 тыс. руб.	19,8

Иными словами, уровень доходов работающего населения республики очень сильно лимитирует размеры среднего класса. В основе этого — значительная дифференциация доходов бедных и богатых. Даже с учетом снижения коэффициента фондов, наблюдающегося с 2008 г., соотношение доходов 10 % самых бедных и 10 % самых богатых составляет в Республике Коми 14,8 раз [20, с. 141]. А между ними булыжная часть населения не дотягивает до уровня среднемесячной заработной платы по региону: в нашем случае почти 70 % работающего населения.

При этом большинство опрошенных достаточно оптимистично оценивают свой уровень жизни. Если бы мы определяли средний класс на основе субъективного подхода, мы получили бы вполне благополучную картину. В анкете было сформулировано три вопроса, которые предлагали респондентам отнести себя к тому или иному слою населения в своем населенном пункте, в Республике Коми и России в целом; 57,2 % опрошенных определили себя как средний класс в своем городе или селе (кроме того, 5,8 % идентифицировали себя со слоем выше среднего), 48,9 % — в регионе (плюс 4,9 %) и 34,4 % — в стране (плюс 3,6 %) (табл. 2). Лишь четверть опрошенных относят себя к слою ниже среднего и нижнему на уровне своей местности, менее трети на уровне республики, менее половины — России в целом.

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы «К какому социальному слою Вы относите себя в своем населенном пункте, Республике Коми, России в целом?», %

Варианты ответов	В своем населенном пункте	В Республике Коми	В России
Верхний слой, элита	0,8	1,2	0,6
Слой выше среднего	5,0	3,7	3,0
Средний слой	57,2	48,9	34,4
Слой ниже среднего	20,2	24,3	31,9
Нижний слой	5,4	8,1	14,8
Затрудняюсь ответить	11,4	13,8	15,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Однако пересечение трех признаков: самоидентификации со средним классом, уровня образования не ниже среднего специального и ежемесячных доходов, превышающих 45 тыс. руб., дает совершенно иную картину. Лишь 12,9 % участников обследования относят себя к среднему классу в своем населенном пункте, имеют образование не ниже среднего специального и личный доход выше 45 тыс. руб. в месяц (табл. 3). Относящих себя к среднему классу на уровне Республики Коми и соответствующих этому слою по образованию и уровню дохода — 13,0 % опрошенных. То, что цифра по республике немного превышает масштабы среднего класса на локальном уровне, в принципе, не удивительно: некоторые жители крупных городов вполне могут оценивать свой статус на уровне региона выше, чем в родном городе. Пересечение самоидентификации в качестве представителя среднего класса на уровне России с двумя другими признаками дает 10,2 % опрошенных.

Таблица 3

Оценка масштабов среднего класса в Республике Коми в 2017 г., %

Критерий материальной обеспеченности	Категория населения	При самоидентификации представителем среднего класса		
		в своем населенном пункте	в Республике Коми	в России
Личный доход, превышающий 45 тыс. руб. в месяц	Занятое население	12,9	13,0	10,2
	Население в возрасте 15–72 года	8,3	8,4	6,6
	Все население (с учетом среднего размера домохозяйства)	15,5	15,6	12,2
Среднедушевой доход на одного члена семьи, превышающий 30 тыс. руб. в месяц	Занятое население	12,7	13,1	10,6
	Население в возрасте 15–72 года	8,2	8,5	6,8
	Все население (с учетом среднего размера домохозяйства)	15,2	15,7	12,7

Поскольку обследование проводилось среди работающих, а занятые по данным 2016 г. составляют в Республике Коми 64,6 % от численности населения в возрасте 15–72 года, соответственно, в составе населения республики в возрасте 15–72 года масштабы среднего класса можно оценить в 8,3 % относящих себя к этому слою на локальном уровне, 8,4 % — на региональном, 6,6 % — на уровне страны в целом.

С другой стороны, уровень благосостояния участников опроса можно определять по среднедушевому доходу на одного члена семьи. В 2016 г. среднедушевой денежный доход населения составляет в Республике Коми 31527 руб. [22], соответственно, в качестве границы среднего класса можно взять среднедушевой доход в 30 тыс. руб. в месяц. На пересечении трех признаков среднего класса получаем цифры, почти один в один повторяющие результаты первого подхода: 12,7 % — среди занятых при самоидентификации со средним классом на локальном уровне, 13,1 % — при самоопределении на региональном уровне и 10,6 % — на уровне страны в целом. С учетом уровня занятости населения выходим на цифры в составе населения 15–72 лет: 8,2, 8,5 и 6,8 % (табл. 3).

При первом подходе мы взяли среднемесячный личный доход респондента, немного превышающий среднемесячную номинальную начисленную заработную плату работников организаций, во втором случае — среднедушевой доход на одного члена семьи немного ниже размера среднедушевых денежных доходов населения республики. Получение при двух подходах с разнонаправленными допущениями практически одинаковых результатов позволяет утверждать, что оценка масштабов среднего класса для массива обследованных является достаточно достоверной.

Интерес представляет также размер среднего класса в составе всего населения региона. Логику его оценки изложим на примере максимального выявленного уровня среднего класса среди занятых:

13,1 % имеющих образование не ниже среднего специального, среднедушевой доход в семье выше 30 тыс. руб. и идентифицирующих себя со средним классом на уровне Республики Коми, 13,1 % занятого населения составляет 55,7 тыс. чел. Средний размер домохозяйства в Коми по последней переписи равняется 2,4 чел. [24]. Соответственно, в домохозяйствах, возглавляемых представителем среднего класса, проживает 133,7 тыс. чел., что составляет 15,7 % от численности населения республики (табл. 3).

Очень вероятно, что величина среднего класса в Республике Коми выше цифр, полученных для выборочной совокупности. Как уже отмечалось, особенности выборки обследования, по нашим оценкам, способствуют некоторому занижению среднего уровня доходов и, следовательно, масштабов среднего класса. Кроме того, занижение в социологических обследованиях своих доходов и бедными, и богатыми — хорошо известный социологам феномен. Оно определяется как объективными факторами (неучетом налогов, премий и пр.), так и субъективными (занижением суммы заработка из боязни стать объектом грабежа, засветиться перед налоговой инспекцией, из нежелания особенно выделяться и пр.) [25]. Кроме того, в последние несколько лет, в условиях спада экономики из-за резкого падения цен на нефть на мировом рынке, санкций западных стран и антисанкций России по отдельным группам продовольственных товаров произошло ощутимое снижение уровня жизни россиян. Как уже отмечалось, рост доли населения с доходами ниже прожиточного минимума прослеживается в Республике Коми еще с 2013 г. В 2016 г. официальная статистика зафиксировала сокращение среднедушевых денежных доходов населения в месяц (с 32545 руб. в 2015 г. до 31527 руб.) [22]. Показало его и наше обследование. На вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последние три года?» 36,5 % участников опроса ответили, что оно ухудшилось. Это самый распространенный ответ; 35,3 % опрошенных отметили, что оно не изменилось; 10,6 % затруднились ответить на этот вопрос. Улучшилось оно лишь у 17,6 % респондентов. При этом для людей характерны весьма скептические настроения относительно дальнейших перспектив своего материального положения. Лишь четверть опрошенных надеются на его улучшение, 42,9 % никакого улучшения не ожидают, 31,7 % затрудняются с ответом.

Несмотря на то, что уровень среднего класса в Республике Коми в 2017 г., скорее всего, превышает полученные в обследовании масштабы (табл. 3), однако это не будет ни 26, ни 42 % [14], ни тем более 55–60 % населения, к какому уровню предполагается выйти к 2020 г. в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., в которой одним из критериев среднего класса является среднедушевой доход свыше шести прожиточных минимумов [15]. В Республике Коми в 2017 г. это порядка 77484 руб. Даже если в качестве порогового значения взять ежемесячный личный доход 75 тыс. руб., то величину среднего класса в составе занятых можно оценить лишь в 3,4 % при самоидентификации с ним на локальном уровне, в 3,2 % — на региональном и в 3,0 % — на федеральном. С поправкой на уровень занятости получаем 2,2, 2,1 и 1,8 % среднего класса в составе населения 15–72 лет. Если же в качестве порогового значения среднего класса взять среднедушевой доход на одного члена семьи в 75 тыс. руб., то соответствующие цифры составят 1,3, 1,4 и 1,3 % — среди занятого населения, 0,8, 0,9 и 0,8 % — в составе населения в возрасте экономической активности. Это бесконечно малые величины.

Таким образом, по прошествии 25 лет с начала рыночных преобразований средний класс, являющийся основной движущей силой модернизации общества, поскольку его представители обладают значительным креативным потенциалом и высокой социальной активностью, характеристиками, играющими важную роль в формировании высококачественного человеческого капитала, необходимого для становления инновационной экономики, в Республике Коми так и не сформирован. И это не региональная проблема. По разным методикам уровень и качество жизни в республике оцениваются и выше среднего по стране, и ниже среднего, но по уровню доходов занятого населения Республика Коми — далеко не самый бедный регион. При этом именно уровень доходов работающих ограничивает масштабы среднего класса. В основе этого глубокое социальное расслоение, сохраняющееся несмотря на сокращение последних лет. Соотношение доходов верхней и нижней децильных групп уменьшилось в Республике Коми за 2007–2015 гг. с 18,1 до 14,8 раз. Но это все равно очень существенный разрыв, в результате которого доходы большей части образованного работающего населения не достигают средней заработной платы по региону. А в целом по стране сокращение коэффициента фондов было менее заметным (с 16,7 до 15,7 раз), и уровень социального расслоения в последние годы выше [20, с. 141]. Такая дифференциация доходов крайне опасна и безнравственна. Особенно с учетом того, что в России к высокодоходным группам относятся не только бизнесмены, высокие доходы которых являются вознаграждением за риск, но зачастую люди, получающие зарплату из государственного бюджета. В последние годы сведения о размерах

официально задекларированных доходов чиновников и руководителей государственных бюджетных учреждений, превышающих среднюю заработную плату работников организаций на порядок и больше, доступны каждому. Отсутствие солидарности в доходах сильно расшатывает российское общество, способствует нарастанию отчуждения между людьми. А недостаточный процент населения с хорошим стабильным доходом определяет устойчиво низкий платежеспособный спрос, лимитирующий развитие промышленности и сферы услуг, ограничивающий становление и развитие малого бизнеса, которое в развитых странах является одним из самых эффективных направлений обеспечения роста занятости населения.

Литература

1. Ковригин Б. В., Сеницына Т. И. К проблеме теории среднего класса: история и современность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 138–144.
2. Тихонова Н. Е., Мареева С. Е. Средний класс: теория и реальность. М., 2009. 320 с.
3. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.
4. Соловьева Т. С., Шабунова А. А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4 (34). С. 113–129.
5. Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2008. 320 с.
6. Savage M. et al. Property, Bureaucracy and Culture: Middle-Class Formation in Contemporary Britain. L.; N. Y.: Routledge. 1992.
7. Blanchard E., Willmann G. Trade, Education, and the Shrinking Middle Class // Journal of International Economics. 2016. Vol. 99. P. 263–278.
8. Wright E. O., Dwyer R. The Patterns of Job Expansions in the USA: a Comparison of the 1960s and 1990s // Socio-Economic Review. 2003.
9. Dabla-Norris E., Kochhar K., Suphaphiphat N., Ricka F. and Tsounta E. Causes and Consequences of Income Inequality: a Global Perspective // IMF Staff Discussion Note. 2015. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
10. Lakner C., Milanovic B. Global Income Distribution: from the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession // World Bank Economic Review. 2015. URL: <http://wber.oxfordjournals.org/content/early/2015/08/12/wber.lhv039> (дата обращения: 15.03.2018).
11. Milanovic B. and Yitzhaki S. Decomposing World Income Distribution: Does the World Have a Middle Class? // Review of Income and Wealth, International Association for Research in Income and Wealth. 2002. Vol. 48 (2). P. 155–178.
12. Здравомыслов А. Г. Средний класс // Новая философская энциклопедия. М., 2000.
13. Аврамова Е. М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 28–36.
14. Средний класс в современной России: 10 лет спустя / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2014. 215 с.
15. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47.
16. Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: десять лет постсоветского развития. М., 2001. 183 с.
17. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона» (Модификация – 2010). М., 2010.
18. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте: монограф. / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 2009. – 808 с.
19. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А. А. Шабунова, К. А. Гулин, М. А. Ласточкина, Т. С. Соловьева. Вологда, 2012. 158 с.
20. Попова Л. А., Сивкова А. А. Демографические и экономические условия воспроизводства среднего класса в северном регионе (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3. С. 134–144.
21. Основные итоги обследования рабочей силы Республики Коми в 2016 году: стат. бюл. № 05-51-57/4 // Комистат. Сыктывкар, 2017.
22. Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб. // Комистат. Сыктывкар, 2017.
23. Калабихина И. Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета: эл. журн. 2011. Т. 3, № 1. С. 149–176.

24. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.03.2018).
25. Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 28–40.

References

1. Kovrigin B. V., Sinicyna, T. I. K probleme teorii srednego klassa: istorija i sovremennost' [To the problem of middle-class theory: history and modernity]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 1 (31), pp. 138–144. (In Russ.).
2. Tihonova N. E., Mareeva S. E. *Srednij klass: teorija i real'nost'* [Middle class: theory and reality]. Moscow, 2009, 320 p.
3. Zaslavskaja T. I., Jadov V. A. Social'nye transformacii v Rossii v jepohu global'nyh izmenenij [Social transformations in Russia in the era of global changes], *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2008, no. 4, pp. 8–22. (In Russ.).
4. Solov'eva T. S., Shabunova A. A. Srednij klass v regionah SZFO: vozmozhnosti rasshirenogo vosproizvodstva [The middle class in the regions of the North-Western Federal District: the possibility of expanded reproduction]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 4 (34), pp. 113–129. (In Russ.).
5. *Srednij klass v sovremennoj Rossii* [Middle class in modern Russia]. Moscow, 2008, 320 p.
6. Savage M. et al. Property, Bureaucracy and Culture: Middle-Class Formation in Contemporary Britain. L.; N. Y.: Routledge, 1992.
7. Blanchard E., Willmann G. Trade, Education, and the Shrinking Middle Class. *Journal of International Economics*, 2016, vol. 99, pp. 263–278.
8. Wright E. O., Dwyer R. The Patterns of Job Expansions in the USA: a Comparison of the 1960s and 1990s. *Socio-Economic Review*, 2003.
9. D Dabla-Norris E., Kochhar K., Suphaphiphat N., Ricka F. and Tsounta E. Causes and Consequences of Income Inequality: a Global Perspective. IMF Staff Discussion Note, 2015. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf> (accessed 15.03.2018).
10. Lakner C., Milanovic B. Global Income Distribution: from the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession. *World Bank Economic Review*, 2015. Available at: <http://wber.oxfordjournals.org/content/early/2015/08/12/wber.lhv039> (accessed 15.03.2018).
11. Milanovic B. and Yitzhaki S. Decomposing World Income Distribution: Does the World Have a Middle Class? *Review of Income and Wealth*, International Association for Research in Income and Wealth, 2002, vol. 48 (2), pp. 155–178.
12. Zdravomyslov A. G. Srednij klass [The middle class]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [A new philosophical encyclopedia]. Moscow, 2000. (In Russ.).
13. Avraamova E. M. Srednij klass jepohi Putina [The middle class in the Putin era]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 2008, no. 1, pp. 28–36. (In Russ.).
14. *Srednij klass v sovremennoj Rossii: 10 let spustja* [The middle class in modern Russia: 10 years later]. Moscow, 2014, 215 p.
15. O koncepcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [About the concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 47. (In Russ.).
16. Beljaeva L. A. *Social'naja stratifikacija i srednij klass v Rossii: desjat' let postsovetskogo razvitija* [Social stratification and the middle class in Russia: ten years of post-soviet development]. Moscow, 2001, 183 p.
17. Lapin N. I., Beljaeva L. A. *Programma i tipovoj instrumentarij "Sociokul'turnyj portret regiona" (Modifikacija – 2010)* [Program and typical tools “Socio-Cultural portrait of the region” (Modification –2010)]. Moscow, 2010.
18. *Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste* [Regions in Russia: socio-cultural portraits of regions in the Russian context]. Moscow, 2009, 808 p.
19. Shabunova A. A., Gulin K. A., Lastochkina M. A., Solov'eva T. S. *Modernizacija jekonomiki regiona: sociokul'turnye aspekty* [Modernization of the region's economy: socio-cultural aspects]. Vologda, 2012, 158 p.
20. Popova L. A., Sivkova A. A. Demograficheskie i jekonomicheskie uslovija vosproizvodstva srednego klassa v severnom regione (na primere Respubliki Komi) [Demographic and economic conditions of middle class reproduction in the Northern region (on the example of the Komi Republic)]. *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: forming the economic order], 2017, no. 3, pp. 134–144. (In Russ.).

21. Osnovnye itogi obsledovanija rabochej sily Respubliki Komi v 2016 godu [Main results of the labour force survey of the Komi Republic in 2016]. *Komistat* [Komistat]. Syktyvkar, 2017. (In Russ.).
22. Demograficheskiy ezhegodnik Respubliki Komi. 2017 [Demographic Yearbook of the Komi Republic. 2017 *Komistat* [Komistat]. Syktyvkar, 2017. (In Russ.).
23. Kalabihina I. E. Pochemu vazhno razvivat' instituty gendernogo ravenstva v Rossii [Why it is important to develop gender equality institutions in Russia]. *Nauchnye issledovanija jekonomicheskogo fakul'teta* [Research of the faculty of Economics], 2011, vol. 3, no. 1, pp. 149–176. (In Russ.).
24. <http://www.gks.ru/> (accessed 15.03.2018).
25. Bogomolova T. Ju., Tapilina V. S. Ekonomicheskaya stratifikatsiya: ob"yektivnoye i sub"yektivnoye izmereniya [Economic stratification: objective and subjective measurements]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 1997, no. 9, pp. 28–40. (In Russ.).

DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.6.2018.62.163–175
УДК 331,2

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ О МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ В 2018 ГОДУ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОТНЕСЕННЫХ К РАЙОНАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ПРИРАВНЕННЫМ К НИМ МЕСТНОСТЯМ

В. А. Сквепень

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, г. Москва, Россия

В. П. Старокожева

специалист
ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, г. Москва, Россия

Аннотация. Изучение вопросов установления минимальной заработной платы является необходимым условием формирования такой системы оплаты труда работников, которая позволила бы обеспечить справедливое и равное вознаграждение за равноценный труд и обоснованную дифференциацию заработной платы. В работе исследуются принятые в 2018 г. подходы к установлению минимальной заработной платы в региональных соглашениях субъектов РФ, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Рассмотрено, как введенные на федеральном уровне изменения в законодательство Российской Федерации по вопросу минимального размера оплаты труда повлияли на установление минимальной заработной платы в северных регионах России, в частности, положение о том, что районные коэффициенты и процентные надбавки не включаются в состав минимального размера оплаты труда. Кроме того, проведен анализ уровня средней заработной платы в северных субъектах РФ, ее структуры и покупательной способности. Расчеты показали, что при исключении из состава средней заработной платы выплат по районному регулированию в большинстве северных субъектов РФ средняя заработная плата продолжает сохраняться ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Как показало исследование, проблема повышения уровня заработной платы, в том числе гарантий по минимальной заработной плате, остается актуальной для северных регионов России. Сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию установления минимальной заработной платы, направленные на ее увеличение и повышение удельного веса тарифной части заработной платы.

Ключевые слова: минимальная заработная плата, минимальный размер оплаты труда, региональное соглашение, районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, прожиточный минимум трудоспособного населения, средняя заработная плата, тарифная часть заработной платы, районные коэффициенты, процентные надбавки к заработной плате.

ANALYSIS OF THE REGIONAL AGREEMENTS ON THE MINIMUM WAGES IN 2018 YEAR IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION, RELATED TO THE REGIONS OF THE FAR NORTH AND EQUATED LOCALITIES

V. A. Skovpen

PhD (Economics), Leading Researcher
Federal state budgetary institution “All-Russian Research Institute of Labour”
of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia